

Д.Ф. Купер

**Собрание сочинений в 7
томах**

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
К92

К92 **Купер Д.**
Собрание сочинений в 7 томах: Том 7 / Д.Ф. Купер – М.: Книга по Требованию,
2021. – 392 с.

ISBN 978-5-458-27967-3

В седьмой том вошел роман Джеймса Фенимора Купера (1789–1851) «Моникины». Перевод Д. Горфинкеля и Л. Хвостенко.

ISBN 978-5-458-27967-3

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРОЛОГ

Весьма вероятно, что многие из тех, кто прочтет эту книгу, пожелают узнать, каким образом попала ко мне ее рукопись. Такое желание вполне законно и естественно, а потому его нельзя не исполнить.

Расскажу как можно короче.

Летом 1828 года, путешествуя по долинам Швейцарии между двумя главными хребтами Альп, где берут свое начало Рона и Рейн, я от истоков второй из этих рек добрался до истоков первой, до знаменитого ледника Роны. Там довелось мне пережить одно из тех мгновений отрешенности и полного покоя, которые тем более ценные, что редко выпадают на долю человека в том полушарии. Справа и слева высались обрывистые горы. Их пики сверкали на солнце, а прямо передо мной, на уровне глаз, лежало то удивительное море льда, талые воды которого сливаются в бурную Рону, и она бежит оттуда к далекому Средиземному морю. Впервые за целые годы скитаний по Европе я почувствовал себя наедине с природой.

Увы, эта радость, как и все подобные радости в сутолоке Старого Света, оказалась мимолетной! Из-за скалы на узкой выючной тропе появились люди: впереди, как обычно, шел проводник, за ним ехали гуськом на лошадях две дамы; замыкали шествие двое пеших мужчин. Долг вежливости заставил меня встать и поклониться обладательницам кротких глаз и цветущих щечек, когда всадницы проезжали мимо. Они были англичанки, и мужчины, по-видимому, приняли меня за соотечественника. Один из них остановился и учтиво

спросил, не занесен ли снегом перевал Фурка. Я сказал, что нет, а он в благодарность сообщил мне, что я найду Гримзель «не слишком легким». «Однако,— добавил он с улыбкой,— дам это не испугало, и вы едва ли станете колебаться!»

Я заметил, что надеюсь преодолеть препятствия, раз они оказались по силам его прекрасным спутницам. Затем он сообщил мне, что сэр Герберт Тейлор произведен в генерал-адъютанты, и пожелал мне всего лучшего.

Я посидел часок, размышляя о характерах, надеждах, целях и интересах людских, и пришел к заключению, что незнакомец — солдат, обычный ход мыслей которого отразился и в этом коротком случайному разговоре.

Возобновив свой одинокий путь, пересекавший русло Роны, я еще два часа взвирался по крутому склону к перевалу и очень обрадовался, увидев на вершине холмно поблескивающий водоем, который называется Озером Мертвых. Тропа была занесена снегом как раз в самом опасном месте, где один неверный шаг мог привести неосторожного к гибели. Большая группа туристов по ту сторону перевала, по-видимому, вполне сознавала трудность положения: они остановились и серьезно обсуждали с проводником, как им поступить. Решено было сделать попытку. Первой пошла молодая женщина с необычайно милым и ясным выражением лица. Она тоже была англичанка. Залившись румянцем, дрожа и смеясь над собой, она все же бодро шла вперед и благополучно поравнялась бы со мной, если бы не камень, случайно повернувшийся под ножкой, слишком изящной для этих диких гор. Я бросился вперед и, к счастью, спас ее от гибели. Она поняла, чем обязана мне, и скромно, но с волнением высказала мне свою признательность. Почти тотчас к нам присоединился ее муж и сжал мою руку с горячим чувством человека, который только что чуть не потерял самое дорогое для него существо. Дама нашла нужным оставить нас вдвоем.

— Вы англичанин? — спросил ее муж.

— Американец.

— Американец! Вот странно... Вы не обидитесь, если я задам вам вопрос? Вы спасли мне больше, чем жизнь: случись что-нибудь с моей женой, я сошел бы с ума. Так разрешите спросить вас: могу я предложить вам деньги?

Я улыбнулся и ответил ему, что, как это ни покажется ему странным, я хоть и американец, но джентльмен. Он смутился, и его благородное лицо омрачилось так, что мне стало жаль его. Он, видимо, искал способа выразить, насколько он считает себя моим должником, но не знал как.

— Мы можем еще встретиться, — сказал я, пожимая ему руку.

— Вы не откажетесь взять мою карточку?

— С большим удовольствием.

Он вложил мне в руку визитную карточку, на которой значилось: «Виконт Хаусхолдер», а я взамен дал ему карточку с моим скромным именем.

Он посмотрел на карточку, потом на меня и снова на карточку: по-видимому, его осенила какая-то приятная мысль.

— Вы посетите этим летом Женеву? — быстро спросил он.

— Я буду там через месяц.

— Ваш адрес?

— Отель «Де л'Экю».

— Я напишу вам. До свидания.

Мы расстались. Он, его милая жена и их проводники начали спускаться к Роне, а я продолжил свой путь к гrimзельскому убежищу.

Месяц спустя я получил в женевском отеле большой пакет. В нем был ценный бриллиантовый перстень, с просьбой носить его на память о леди Хаусхолдер, и написанная четким почерком рукопись. Желания отправителя поясняла следующая записка:

«Провидение свело нас не ради лишь той цели, которая обнаружилась с самого начала. Я долго колебал-

ся, опубликовывать ли мне прилагаемое повествование. В Англии люди склонны скептически встречать необычные факты, но отдаленность Америки от места, где я живу, полностью избавит меня от насмешек. Мир должен узнатъ истину, и ради этого я хотел бы прибегнуть к вашей помощи. Я прошу вас только позаботиться о том, чтобы эта книга была напечатана, и послать один экземпляр по моему адресу: Хаусхолдер-Холл, Дорсетшир, Англия, а другой — капитану Ною Поку, Станингтон, штат Коннектикут, у вас на родине. Моя Анна молится за вас и навсегда сохранит к вам чувство дружбы. Не забывайте нас.

Преданный вам
Хаусхолдер».

Я в точности исполнил эту просьбу и послал два экземпляра книги по указанным адресам. Остальные могут стать собственностью всех, кто готов заплатить за них.

Из Станингтона я получил в ответ следующее письмо:

«Шхуна «Дебби и Долли»
на станингтонском рейде.
1 апреля 1835 года

Автору «Шпиона», эсквайру,
город ***, округ ***,
штат Нью-Йорк

Дорогой сэр!

Ваша посылка прибыла и застала меня в добром здравии, как, надеюсь, застанут вас и мои сроки. Я прочел книгу, и, должен сказать, в ней есть доля правды, что можно, пожалуй, отнести к любой книге, кроме Библии, календаря и свода законов. Сэра Джона я помню хорошо и его сообщения опровергать не стану по той причине, что друзьям не следует возражать. Я также был знаком с четырьмя мониками, о которых он говорит, хотя знал их под другими именами. Миссис Пок сомневается, все ли тут правда, но я ей

ничего не говорю: женщина от сомнений становится только разумнее. А что я вожу корабль без геометрии, так об этом не стоило печатать в книге. У нас это не такая уж диковинка: взглянешь раза два в день на компас, и ладно! На этом я прощаюсь с вами и готов принять от вас любое поручение на Тюлены острова, куда я отплываю завтра, если позволят ветер и море.

Готовый к услугам
Ной Пок.

P. S. Я всегда говорил сэру Джону, чтобы он держал курс подальше от писательства. Но он только и делал, что строчил день и ночь целую неделю. Что посеешь, то и пожнешь! Ветер переменился, и мы поднимем якорь, как начнется прилив. Поэтому ставлю точку.

№3. Сэр Джон малость разошелся по поводу того, что я съел обезьяну. Такой случай и вправду был со мной в Карибском море, за четыре года до того, как мы встретились с ним. На вкус она была неплоха, но от ее вида делалось не по себе. Мне так и чудилось, что я ухватил нашего с миссис Пок младшенького!»

ГЛАВА I

Родословная автора, а также его отца

Философ, создавший новую теорию, обязан привести хотя бы самые элементарные доказательства разумности своих позиций, а историк, который берется излагать чудесные события, дотоле неизвестные человечеству, должен, из уважения к чужим мнениям, представить надежные свидетельства своей правдивости. Эти два важнейших требования ставят меня в своеобразное положение, так как в подтверждение моей философии я могу сослаться лишь на ее убедительность, и не имею иных свидетелей, кроме себя самого, чтобы удостоверить те поразительные факты, которые теперь впервые будут предложены вниманию читающего мира. Я сознаю всю тяжесть лежащей на мне ответственности, ибо истина бывает иной раз так мало правдоподобна, что кажется вымыслом, а вымысел бывает так похож на истину, что неискушенный человек потом готов уверять, что он сам видел, как все это было. Об этом следует помнить всем нашим историкам: знание обстоятельств в одном случае избавит их от разочарования, связанного с тем, что свидетельские показания, добываясь ценой больших усилий, окажутся опровергнутыми, а в другом — от тяжелого и бесполезного труда. Что до меня, то взамен, как выражаются французы, «les pièces justificatives»¹ для моих теорий и фактов я могу снискать доверие читателя, лишь изложив без прикрас историю моего происхождения, рождения, воспитания и жизни до того времени, когда мне довелось

¹ Оправдательные документы (франц.).

увидеть те удивительные вещи, которые мне дано счастье поведать, а читателю — вскоре узнать.

Начну с моего происхождения, или с моей родословной. Это соответствует естественному порядку событий, а кроме того, полезно проследить следствия до их причин так, чтобы эта часть моего повествования внушила доверие ко всему остальному.

Я всегда считал себя равным потомкам самых древних родов Европы, так как немногие семьи восходят более ясно и прямо к тьме веков, чем та, к которой принадлежу я. Мое происхождение от отца неопровергнуто установлено записью в приходской книге, равно как его собственным завещанием, и, я думаю, никому не дано столь непосредственно доказать истинность истории своей семьи, как мне — стоит лишь проследить жизнь моего предка назад во времени вплоть до того часа, когда его на втором году жизни нашли пищащим от холода и голода в приходе св. Джайлза, в Вестминстере, в Соединенном Королевстве Великобритании. Над его страданиями сжалась уличная торговка апельсинами. Она накормила его хлебной коркой, согрела горячим пивом с джином, а потом из человеколюбия отнесла его к лицу, с которым имела частые, но враждебные встречи, — к приходскому надзирателю. Происхождение моего предка было настолько темным, что представлялось совершенно ясным. Никто не мог сказать, чей он, откуда взялся и что с ним будет дальше. А так как по закону тогда не полагалось, чтобы дети умирали на улице с голоду при подобных обстоятельствах, приходский надзиратель после надлежащих попыток убедить некоторых из своих бездетных и добросердечных знакомых в том, что ребенок, вот так покинутый, — особый дар провидения каждому из них в отдельности, вынужден был передать моего отца на попечение одной из приходских нянек-воспитательниц.

Такой исход милосердия торговки апельсинами способствовал установлению достоверности родословной нашей семьи — ведь если бы мой достойный предок был предоставлен на волю счастливых случайностей и великодушных капризов частной благотворительности, я, скорее всего, был бы вынужден набросить покров на эти важные годы его жизни, но так как он провел их в работном доме, события, их составляющие, подтверж-

дены неоспоримыми документами. Таким образом, в анналах нашей семьи нет пробела; даже тот период, о котором в жизни большинства людей известно только по сплетням и досужим рассказам, в отношении основателя моего рода заверен соответствующими записями вплоть до того дня, когда он достиг своего предполагаемого совершеннолетия, ибо его определили в ученики к заботливому хозяину, едва приход получил возможность избавиться от него с неприличной поспешностью, но в согласии с законом. Кстати, я забыл упомянуть, что торговка апельсинами, взглянув на вывеску мясника, у двери которого был найден мой предок, весьма удачно нарекла его Томасом Голденкалом¹.

Это второе важное изменение в делах моего отца можно счесть предвестием его дальнейшей судьбы. Он поступил учеником к торговцу модными товарами, то есть к лавочнику, предлагавшему публике изделия, которые обычно покупают люди, не знающие, куда им девать деньги. Для будущего процветания молодого искателя счастья это место представляло огромные выгоды. Те, кто забавляет своих ближних, оплачиваются, как известно, гораздо лучше, чем те, кто их учит, а кроме того, он обрел возможность изучать людские капризы, которые, при умелом использовании, сами по себе — золотые прииски, и познать ту важную истину, что самые важные события нашей жизни гораздо чаще — результаты порыва, а не расчета.

Мне известно непосредственно из уст моего предка, что судьба послала ему на редкость хорошего хозяина. Этот человек, впоследствии ставший моим дедом с материнской стороны, был одним из тех сметливых купцов, которые ради собственной выгоды поощряют других в их безрассудстве. Пятидесятилетний опыт сделал его большим знатоком своего дела. Редко случалось, чтобы он, приступив к разработке новой жилы своего прииска, не был вознагражден за свою предприимчивость успехом, вполне отвечавшим его ожиданиям.

— Том, — сказал он однажды своему ученику, когда время уже породило между ними доверие и взаимную симпатию, — ты родился под счастливой звездой, иначе приходский надзиратель не привел бы тебя ко мне! Ты и не подозреваешь, какое богатство тебя ожидает, ка-

¹ Золотой теленок (англ.).

кто сокровища будут в твоем распоряжении, если ты окажешься прилежным малым, а главное — преданным моим интересам. (Мой дед никогда не упускал случая вставить в свою речь нравоучение, хотя и вел свои коммерческие дела с немалой алчностью.) Ну, как ты думаешь, малый, каков мой капитал?

Мой предок по мужской линии помедлил с ответом, так как до тех пор его представления ограничивались прибылями и он не смел возносить мыслей к тому источнику, откуда, как он не мог не видеть, они изливались весьма обильным потоком. Однако, вынужденный как-нибудь ответить и будучи проворен в счете, он прибавил в уме десять процентов к цифре, отразившей плоды их объединенной ловкости за прошлый год, и назвал полученный итог как ответ на заданный ему вопрос.

Мой дед с материнской стороны расхохотался в лицо моему предку по прямой линии.

— Ты судишь, Том,— сказал он, когда его веселость немного улеглась,— по примерной стоимости наличного запаса товаров перед тобой, но тебе следовало бы учесть еще и то, что я называю нашим оборотным капиталом.

Том на мгновенье задумался. Он знал, что у хозяина есть ценные бумаги, но не считал вложенные в них деньги частью его дела. Что же касается оборотного капитала, то было неясно, какое он мог иметь значение, когда разница между себестоимостью и продажной ценой различных вещей, которыми они торговали, была так велика, что в дополнительных капиталовложениях было мало смысла.

Помня, что его хозяин редко платил за что-нибудь, пока не покрывал семикратным доходом своего долга, Том подумал, что старик намекает на преимущества, которые он извлекал из кредита, и, поразмыслив еще, высказал свою догадку.

Моего деда с материнской стороны снова разобрал смех.

— Ты по-своему не глуп, Том,— сказал он,— и мне нравится точность твоих расчетов, она показывает твою способность к торговле. Но в нашем деле, помимо расчетов, нужна еще глубина мысли. Годи сюда, мальчик,— добавил он и подвел Тома к окну, откуда они

могли видеть соседей, которые шли в церковь, ибо мои деловитые предки созерцали это высоконравственное зрелище в воскресенье, как и подобало в такой день.— Поди сюда, мальчик, и ты увидишь, как малая доля того капитала, который ты, кажется, считаешь припрятанным, разгуливает при ярком свете по городским улицам. Вон там ты видишь жену нашего соседа кондитера. С каким высокомерием она закидывает голову и показывает всем безделку, которую ты ей вчера продал! Так вот: даже она, неряшливая, праздная, тщеславная и, в общем, мало заслуживающая доверия, все же носит с собой часть моего капитала!

Мой достойный предок вытаращил глаза; он не считал своего патрона способным доверить что-нибудь женщине, которая, как им было хорошо известно, покупала больше, чем ее муж согласился бы оплатить.

— Она дала мне гинею, хозяин, за то, что не стоило и семи шиллингов!

— Вот именно, Том, и сделала она это только из тщеславия. Я извлекаю прибыль из ее глупости и из глупости всего человеческого рода. Так теперь ты видишь, на какой капитал я веду свои дела? А вон ее служанка несет деревянные галоши за ленивой тварью. У этой девчонки тоже хранится доля моего капитала, и на прошлой неделе я взял из него полкроны.

Том долго раздумывал над иносказаниями своего предсмотрильного хозяина, и хотя он понимал их не лучше, чем их поймет добрая половина обладательниц томных влажных глаз и обладателей пробивающихся бачек среди моих читателей, все же, поразмыслив, он в конце концов, практически постиг эти тонкости и к тридцати годам уже, пользуясь французским выражением, довольно хорошо их «exploité»¹.

Со слов достоверных свидетелей мне известно, что взгляды моего предка между десятью и сороками годами претерпели существенные изменения. Это обстоятельство часто побуждало меня думать, что людям не следует особенно доверять своим принципам в том гибком возрасте, когда человеческий дух, подобно нежному ростку, легко отклоняется в сторону и поддается посторонним воздействиям.

¹ Умел использовать (франц.).